

СУДГИР ВЕНКАТЕШ
АЛЕКС КОЛОВИТЦ

ХРУЩЕВКИ АМЕРИКИ СОВЕТСКИЙ ОПЫТ В США

WELCOME
ROBERT TAYL
HOMES
DO NOT CARRY FIRE
AD BUILT
OFFICE
LOCATED 4700 S. STATE
66

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

Документальный триллер

Судгир Венкатеш

**Хрущевки Америки.
Советский опыт в США**

«Алисторус»

2026

УДК 316.44:316.628
ББК 60.54/30.56

Венкатеш С.

Хрущевки Америки. Советский опыт в США / С. Венкатеш —
«Алисторус», 2026 — (Документальный триллер)

ISBN 978-5-00269-410-5

Эта книга – первое полное исследование феномена «public housing» в США, основанное не только на документах, но и на живых голосах его обитателей. Автор погружает читателя в мир «Проектов» (Projects), которые задумывались как воплощение социальной мечты и доступное жилье для рабочего класса, а превратились в символ городского кризиса и сегрегации. На страницах издания детально воссоздается повседневная жизнь знаменитых чикагских комплексов – Cabrini-Green и Robert Taylor Homes. Вы увидите, как политика расовой сегрегации и экономическое неравенство сформировали замкнутые гетто, где переплелись бедность, криминал и борьба за выживание. Но эта книга не только о мрачных сторонах истории. Автор скрупулезно собирает свидетельства «светлых пятен»: атмосферу коммунальных сообществ, где соседи знали друг друга, дворовый фольклор и удивительные примеры самоорганизации жителей в условиях государственного безразличия. Особую ценность представляют уникальные интервью с бывшими резидентами. Их личные рассказы – от детских игр на лестничных клетках до попыток сохранить достоинство в условиях тотальной маргинализации – позволяют увидеть за статистикой и политическими решениями живых людей.

УДК 316.44:316.628
ББК 60.54/30.56

ISBN 978-5-00269-410-5

© Венкатеш С., 2026

© Алисторус, 2026

Содержание

Американский проект. О повседневной жизни в Public housing Projects	7
Предисловие к американскому изданию	7
Предисловие	10
Введение	13
Место, которое можно назвать домом	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Алекс Коловитц. Судгир Венкатеш Хрущевки Америки. Советский опыт в США

Документальный триллер

Серия «Документальный триллер»

Перевод с английского Катайцева Э. С., Нигматулин М. В.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА

© Венкатеш С., 2026
© Коловитц А., 2026
© Катайцева Э. С., перевод, 2026
© Нигматулин М. В., перевод, 2026
© ООО «Издательство Родина», 2026

Американский проект. О повседневной жизни в Public housing Projects Судгир Венкатеш

Предисловие к американскому изданию

В Соединенных Штатах право граждан на базовое экономическое благосостояние и социальную защиту, в том понимании, которое сложилось в обществе, реализовано на уровне значительно более низком, чем в Канаде и странах Западной Европы. Особенно заметно это расхождение в сфере государственного жилья. Если в европейских социальных государствах широко распространена практика прямых государственных жилищных субсидий для малообеспеченных семей, то в США она практически отсутствует. Государственная поддержка жилья для малоимущих американских граждан, как правило, ограничивается небольшим числом проектов, сосредоточенных преимущественно в трущобных районах внутренней части города – районах со слабыми неформальными сетями распространения информации о работе, которые к тому же часто находятся вдали от мест с наибольшим количеством рабочих мест.

Само расположение проектов государственного жилья в кварталах с самой высокой концентрацией бедности стало результатом как федерального попустительства массовой сегрегации афроамериканцев на городских рынках жилья, так и уступок организованному сопротивлению со стороны местных сообществ, выступавших против строительства такого жилья по соседству.

Однако так было не всегда. Федеральная программа государственного жилья в США прошла через два этапа, представляющих два различных подхода. Изначально программа помогала в основном полным семьям, либо временно лишившимся крова в годы Великой депрессии, либо нуждавшимся в жилье после окончания Второй мировой войны. Для многих из них государственное жилье стало первой ступенью на пути к экономическому восстановлению, и их пребывание в таких комплексах было недолгим. Их экономическая мобильность «способствовала социологической стабильности первых сообществ государственного жилья и объясняет первоначальный успех программы».

Принятие Закона о жилищном строительстве 1949 года ознаменовало начало второго этапа политики. Он учредил и профинансировал программу городского обновления, направленную на ликвидацию городских трущоб: «Теперь государственное жилье должно было собрать обитателей гетто, оставшихся без крова после того, как по их кварталам прошлись бульдозеры городского обновления». Федеральное управление государственным жилищным строительством понизило верхний предел дохода для проживания в таких домах и выселяло семьи, чей доход превышал эту планку. Таким образом, доступ к государственному жилью был ограничен наиболее экономически неблагополучными слоями населения.

Пруитт-Айгоу – самый известный и неудачный Public housing Project в США

Массовая миграция афроамериканцев с сельского Юга в города Северо-Востока и Среднего Запада совпала по времени с этим изменением федеральной жилищной политики. Поскольку белые городские и пригородные сообщества препятствовали строительству государственного жилья в своих районах, эти дома в подавляющем большинстве были сконцентрированы в перенаселенных внутренних районах городов. Фактически, «это растущее политически слабое городское население не могло противостоять стремлению влиятельных белых из среднего и рабочего класса к сегрегированному жилью». Короче говоря, государственное жилье в США как федеральный институт в значительной степени способствовало изоляции семей по расовому и классовому признаку.

Ни один ученый не раскрывает последствия второго этапа федеральной жилищной политики в США лучше, чем Судхир Аллади Венкатеш в своей проницательной книге. Как указывает Венкатеш, жилой комплекс «Роберт Тейлор Хоумс» в Чикаго был гигантским социально-инженерным экспериментом, построенным в начале 1960-х годов для того, чтобы предоставить перенаселенному афроамериканскому населению Чикаго доступное и достойное жилье. Но его строительство в самом сердце трущоб только усилило концентрацию бедности в сегрегированном черном районе города.

Венкатеш, однако, тщательно демонстрирует, что решение строить «Роберт Тейлор Хоумс» в центре черного гетто получило поддержку не только со стороны городских чиновников, желавших не допустить бедных чернокожих в белые кварталы, но и со стороны людей, движимых благими намерениями. К последним относились те, кто был обеспокоен острой нехваткой жилья для малообеспеченных жителей гетто, включая чернокожих политиков, столкнувшихся с трудным выбором: либо государственное жилье в гетто, либо вообще никакого доступного жилья для чернокожих.

Венкатеш создает всеобъемлющую концептуальную основу, позволяющую читателю понять, как судьба «Роберт Тейлор Хоумс» и перспективы жизни в этих домах были неразрывно связаны с экономическими и социальными трансформациями, происходившими в обществе в целом. Меры, которые могли бы предпринять чиновники Чикагского жилищного

управления (СНА), градостроители, поставщики услуг и политики для улучшения условий в «Роберт Тейлор Хоумс», оказались заблокированы силами как местного, так и общенационального масштаба. Среди местных сил, срывающих их усилия, наиболее заметным был откровенный отказ правоохранительных органов обеспечивать правопорядок и безопасность в жилом комплексе. К силам же национального масштаба относились как те, что были напрямую связаны с государственным жильем (например, резкое сокращение федерального финансирования национальной жилищной программы с середины 1960-х годов), так и те, что были связаны с ним косвенно или опосредованно (например, исчезновение рабочих мест для чернокожих из-за снижения относительного спроса на низкоквалифицированный труд).

Венкатеш блестяще описывает, как перед лицом этих негативных сил жители «Роберт Тейлор Хоумс» предпринимали впечатляющие усилия, используя различные инновационные стратегии, – от сетей и ассоциаций жильцов до тактик, действовавших вне закона, – чтобы укрепить социальную организацию комплекса и обеспечить свое благополучие и безопасность. Они проявили значительную стойкость, но их усилия сводились к краткосрочным решениям, которые оказались недостаточными перед лицом непрекращающихся трудностей жизни в этом огромном жилом массиве и сокращающейся поддержки со стороны общества.

Прочитав эту важную книгу, читатели осознают, в какой степени жители таких государственных жилых комплексов, как «Роберт Тейлор Хоумс», лишены тех базовых социальных гарантий, которые остальная часть общества воспринимает как должное. С наступлением XXI века можно надеяться, что «Американский проект» послужит катализатором дискуссии о необходимости коренной реструктуризации институтов, обслуживающих эти поистине обездоленные сообщества. В ходе этой дискуссии наша страна, возможно, лучше осознает необходимость серьезного противостояния институционализированному расизму, укорененному в наших экономических, политических и социальных структурах, который формирует реакцию общества на нищету в проектах государственного жилья.

*Уильям Джулиус Уилсон,
Гарвардский университет*

Предисловие

Замысел этой книги начал складываться в 1990 году, когда я проводил интервью для исследовательского проекта об афроамериканцах в Чикаго.

Я приехал в Чикагский университет, чтобы начать обучение в аспирантуре на факультете социологии. До того момента мой опыт знакомства с городами был минимальным. Хотя я родился в шумном городе Мадрас на юго-восточном побережье Индии, я покинул субконтинент ребенком и жил в разных среднестатистических пригородных сообществах в северной части штата Нью-Йорк и Южной Калифорнии. Студенческие годы в Калифорнийском университете в Сан-Диего (UCSD) я провел в основном в белых прибрежных городках по соседству с Ла-Хойей, вдали от vibrant, многоэтнического центра города. Города казались мне негостеприимной, неестественной средой.

Я получил степень бакалавра по математике, но к концу обучения познакомился с Аароном Сикурелом и Хью Механом, двумя социологами из UCSD, которые открыли для меня мир социальных наук, где даже сами допущения о реальности были предметом дискуссий. Ничто уже не казалось столь определенным, и не только в науке, но и в личной жизни, поскольку вопросы, связанные с моей собственной идентичностью и местом в социальном мире, становились все более острыми. Идиллический темп жизни в пригороде Сан-Диего скрывал мое внутреннее беспокойство как молодого американца южноазиатского происхождения, и я принял решение, вполне обычное для детей иммигрантов: решил, что радикальная среда обитания приведет к эмоциональному и душевному улучшению. И при поддержке моих наставников и семьи я уехал в утонченный Чикаго.

Вскоре после приезда я собирал данные для исследовательского проекта о городской бедности, что требовало от меня поездок в бедные, преимущественно афроамериканские районы, окружающие Чикагский университет. Я встречался со многими молодыми людьми, некоторые из которых принадлежали к уличной банде. Мои неоднократные визиты вызвали короткие разговоры о характере моих интервью и направленности исследования. Я объяснил, что проект сравнивает бедные афроамериканские домохозяйства с их собратьями из среднего класса, пытаюсь документально зафиксировать различное влияние структуры района на возможности социальной мобильности среди молодежи. Они прочитали мою анкету, сообщили мне, что я «ни хрена не узнаю, задавая такие вопросы», и сказали, что мне нужно «тусоваться с ними», если я действительно хочу понять опыт афроамериканской молодежи в городе. В течение следующих нескольких месяцев я неформально встречался со многими из них: мы играли в ракетбол, пили пиво на берегу озера Мичиган, ходили на их вечеринки и ужинали с их семьями. Возникали отношения, во многом вызванные моим и их любопытством. Большинство студентов университета не имеют возможности заходить в обездоленные сообщества, окружающие их собственный анклав, так что я был для них очевидным объектом интереса. В свою очередь, их взгляды на жизнь, на то, как преуспеть в Америке, на положение чернокожих и на «бандитский мир» поколебали некоторые мои предвзятые представления об этих темах.

Некоторые из этих молодых людей жили в жилом комплексе «Роберт Тейлор Хоумс». В течение восемнадцати месяцев я вел записи о деятельности их банды, называвшей себя «Черные короли». Но мой интерес вызвали именно отношения банды с другими людьми в жилом комплексе. Члены банды были также школьниками, племянниками, прихожанами, отцами, мужьями и так далее. Они были «членами банды» в определенное время и в определенных контекстах, например, при торговле наркотиками или на сборищах на открытых площадках, но большую часть времени их жизнь характеризовалась вовлеченностью в работу, семью, школу и общение со сверстниками. Их идентичность как «членов банды» иногда вступала в конфликт с другими их ролями. Например, семейные ужины были поводом не только обсудить их успе-

ваемость в школе или трудовой стаж, но и увидеть, как родители и родственники оспаривают их участие в «Черных королях». Встреченные мной молодые люди были глубоко озабочены своим будущим в Америке и той ролью, которую членство в банде играет в их жизненном пути. Точно так же в более широком сообществе «Роберт Тейлор» существовало глубокое сострадание к заблудшей молодежи, которое проявлялось в целой гамме эмоций – от печали до гнева и неверия.

Robert Taylor Homes в Чикаго

Ученичество в аспирантуре неопенимо, поскольку оно дает уникальную возможность посвятить долгие годы непрерывного времени включенному наблюдению в полевых условиях. Я воспользовался этой ситуацией, чтобы узнать о разных слоях населения жилого комплекса и о том, как каждый из них воспринимает уличную банду и относится к ней. Мои перемещения по сообществу были продиктованы фундаментальной потребностью понять спектр социальных отношений, через которые банда вплеталась в ткань жилого комплекса. Мужчины на углу улицы и подпольные предприниматели демонстрировали взгляды на банды и взаимодействия с ними, отличные от взглядов молодежи, не связанной с бандами; в свою очередь, и те и другие отличались от взглядов молодых женщин; и все это несколько расходилось с отношениями членов банды с пожилыми жителями, поселившимися в «Роберт Тейлор» в 1960-х и 1970-х годах. По мере продолжения полевой работы у меня складывались смутные впечатления о разных социальных ролях, и при этом я понимал, что они не являются взаимоисключающими и что одни и те же люди часто могут выполнять разные роли в зависимости от контекста. Так же как член банды был также племянником, студентом и так далее в зависимости от обстоятельств, так и мужчины, проводившие время у местного магазина, были вовлечены в другие роли, включая роли родителя, защитника и разнорабочего.

Встречаясь со всеми этими людьми, я заметил, что их современный опыт неразрывно связан с их прошлым и с историей их проживания в чикагском государственном жилье. Они

понимали свои нынешние обстоятельства, включая роль банды в сообществе, в свете более ранних периодов жизни в «Роберт Тейлор». «Банды были здесь всегда», – часто замечали люди, и их воспоминания об изменениях и преемственности в деятельности банд формировали часть их общей памяти о меняющихся очертаниях «жизни в проекте». Это предстало как богатая и яркая совокупность воспоминаний, к которым они возвращались и которые переосмысливали, действуя в настоящем, чтобы сделать свои дома и свое сообщество пригодным для жизни местом.

На следующих страницах я представляю эту коллективную память о чикагском комплексе «Роберт Тейлор Хоумс». Полевые исследователи зависят от доброты и сотрудничества людей, которые могут никогда не получить ничего практического от опубликованных исследований и которые могут не согласиться с историей, которая в итоге будет рассказана. Жители сообщества «Роберт Тейлор» терпели мое присутствие, которое часто было навязчивым, и с терпением отвечали на мои вопросы и запросы. Они позволили мне увидеть на интимном уровне их борьбу за создание сообщества в условиях бедности и минимальных ресурсов. Но с той же решимостью они преподали мне урок, что их жизнь нельзя сводить лишь к роли жертв или приравнивать только к лишениям. Только в той мере, в какой наблюдатели социального мира добросовестно воспроизводят многослойность опыта, наша задача заслуживает щедрости тех, кто терпит наше присутствие.

Введение

Жарким днем в середине июня 1992 года четверо встретились в комплексе государственного жилья «Роберт Тейлор Хоумс», чтобы обсудить недавнюю эскалацию насилия, связанного с бандами. По одну сторону большого металлического стола сидели Уилл Джексон, директор Грейс-центра, где проходила встреча, и Эдит Хаддл, член Местного консультативного совета (LAC) – выборного органа жильцов, представляющего интересы двадцати тысяч обитателей «Роберт Тейлор». Напротив них расположились Принц Уильямс, лидер местной уличной банды «Черные короли», замешанной в недавних перестрелках в «Роберт Тейлор», и Джереми Коулс, основатель и президент организации «Никаких войн», специализирующейся на урегулировании конфликтов между бандами Чикаго. В глубине комнаты внимательно слушали несколько человек, включая меня. Встречу в Грейс-центре организовали Уилл Джексон и Джереми Коулс. Уилл пытался наладить каналы связи между лидерами уличных банд и лидерами жильцов; он пригласил Джереми Коулса, узнав о влиянии, которое «Никаких войн» имела на городские банды, среди которых «Шаркс» и «Черные короли» были двумя крупнейшими.

Типичные здания в Robert Taylor Homes

За несколько дней до встречи в «Роберт Тейлор» началась первая в том году война между бандами. Члены «Шаркс» устроили стрельбу из проезжавшей машины и ранили двух человек из враждующей банды «Черные короли». В отместку Принц объявил «Шаркс» войну, и в течение следующих тридцати шести часов между двумя враждующими группировками периодически вспыхивала перестрелка. После ранения двух членов «Черных королей» двенадцатилетняя девочка была убита выстрелом, а ее подруга тяжело ранена, когда они играли на открытой бетонной площадке, окружавшей высотные корпуса жилого комплекса. Сообщество, уже потрясенное ранением двоих подростков, теперь оплакивало семью погибшей девочки и ее подругу, находившуюся в критическом состоянии в местной больнице. Изможденность на лицах жителей отражала ту цену, которую насилие взимало с их жизнью: все их силы уходили на

то, чтобы проложить безопасный маршрут до продуктового магазина. Некоторые брали отпуск за свой счет или перекраивали расписание, чтобы помочь другим семьям, и все они столкнулись с проблемой беспокойных детей, запертых в квартирах и подъездах.

Первая встреча в Грейс-центре стала катализатором для создания необычного форума, позволившего жильцам решать не только конфликты между уличными бандами, но и широкий круг вопросов, связанных с поведением членов банд. Эдит Хаддл и Джереми Коулс сформировали суд равных, в который вошли они сами, сотрудники Грейс-центра и несколько бывших лидеров банд. Несколько раз в месяц жильцы сообщали этому посредническому органу об инцидентах, когда члены банд приставали к жителям, были замешаны в домашнем насилии или других преступлениях. Лидеры враждующих банд, вместо того чтобы немедленно прибегать к физическому или вооруженному конфликту, пытались урегулировать свои споры перед этим органом. Публично лидеры банд объясняли свое участие альтруизмом, заявляя, что «помогают сообществу», но при более настойчивых расспросах они не отрицали и более эгоистичных мотивов: снижение конфликтов также способствовало стабильности их подпольного бизнеса – прежде всего торговли наркотиками и вымогательства у местных предпринимателей. Эдит Хаддл и другие члены суда рассматривали сообщения о нарушениях и выносили наказания. Они назначали денежную компенсацию или требовали извинений от членов банды, а на своих отдельных закрытых встречах лидеры банд применяли к своим членам физические наказания и налагали собственные денежные штрафы.

В публичных и частных беседах жильцы горячо обсуждали ценность такой формы местного контроля. Мнения об этом общинном суде разделились. Одни выражали полное отвращение к тому, что членов банд используют для поддержания порядка; другие разделяли это мнение, но добавляли, что жильцам следует организовывать протесты против правоохранительных органов, которые должны были бы выполнять такие функции. Голоса несогласных утверждали, что в жилом комплексе чрезвычайное положение и следует использовать любые доступные ресурсы для решения проблем. Некоторые развивали эту мысль, заявляя, что, поскольку банды глубоко укоренились в местной жизни, любая реалистичная попытка посредничества должна включать их. На открытых встречах с представителями нескольких государственных учреждений жильцы использовали успех общинного суда как аргумент для критики существующей тактики правоохранительных органов; местные полицейские в ответ призывали к осторожности при сотрудничестве с уличными бандами.

На протяжении всех обсуждений и споров слово «сообщество» было смысловым якорем для высказываемых сторонами чувств. На официальных встречах с жильцами члены банд просили признать их законными «членами сообщества». На открытых форумах представители Жилищного управления предупреждали, что банды «захватывают сообщество», на что жильцы часто отвечали: «Это наше сообщество, а не ваше». Жильцы критиковали своих избранных лидеров за то, что те «не борются за сообщество», а лидеры в ответ на эти обвинения говорили, что чрезмерно критичные жильцы «только жалуются и не участвуют в жизни сообщества».

Во многих своих упоминаниях «сообщества» жильцы снова и снова обращались к прошлому. Один житель сказал: «Раньше это было наше сообщество, а теперь оно их. [Банды] захватили его». Эдит Хаддл высказала другое распространенное мнение: «Банды всегда были частью сообщества, и всегда будут. Просто теперь они контролируют нас». Наряду с общими оценками того, как изменились банды, жильцы вспоминали конкретные времена, когда активность банд не была столь угрожающей. Для каждого из тех периодов они могли перечислить людей, которые контролировали членов банд, а также лидеров банд, которые сводили конфликты к минимуму и помогали жителям. Прослеживалась устойчивая, укоренившаяся история новаторских попыток жильцов заменить или дополнить работу правоохранительных орга-

нов не только в отношении насилия уличных банд, но и в случаях домашнего насилия, краж и грабежей, а также принуждения к исполнению контрактов в теневой экономике.

Уличная банда представляла не обязательно как «враг внутри», охотящийся на жилой комплекс, а скорее как одна из нескольких угроз безопасности домохозяйств. Контроль над поведением молодежи был самым последним и наиболее заметным вызовом, требовавшим колоссальных личных и коллективных усилий. Однако жильцам также приходилось усердно трудиться, чтобы обеспечить надлежащее обслуживание зданий, ремонт квартир и наличие пригодного для использования общественного пространства – все это влияло на личную безопасность и нормальное общение в жилом комплексе. Фактически жильцы не проводили резкой грани между вопросами безопасности и обслуживания, и, обсуждая проблемы, связанные с бандами, они упоминали такие вещи, как освещение лестничных клеток, доступность вестибюлей и пустующие квартиры. Таким образом, решение проблем, связанных с деятельностью банд, было частью более масштабной, непрекращающейся борьбы за воссоздание безопасной среды для жизни, какой бы шаткой и хрупкой ни была эта стабильность.

Борьба жителей чикагского комплекса «Роберт Тейлор Хоумс» за создание безопасного, пригодного для жизни «сообщества» – это борьба, знакомая обитателям государственного жилья по всей стране. Борьба с преступностью и социально-экономическими трудностями, противостояние с местными властями из-за некачественного обслуживания, поиск внешних ресурсов для удовлетворения местных нужд стали обыденностью для тех, кто живет в государственном жилье. Тяжесть их положения привела к ожесточенным общественным дебатам в Америке по вопросу: могут ли люди, живущие в таких крупных комплексах государственного жилья, как «Роберт Тейлор Хоумс», поддерживать жизнеспособное, здоровое сообщество? Будущее государственного жилья зависит от ответа на этот вопрос. На момент написания этих строк, реагируя на давление со стороны федерального правительства, Чикагское жилищное управление (СНА) снесло почти половину из двадцати восьми зданий комплекса «Роберт Тейлор», объявив их более непригодными для жилья, и ожидается, что та же участь постигнет и остальные. Федерально предписанные исследования «жизнеспособности» привели также к полному сносу некоторых других жилых комплексов в Чикаго и других городах; жители, некогда жившие там, теперь «рассеяны» по своим мегаполисам.

Создание и поддержание локальных пространств для здорового развития отдельных людей и семей – ключевая забота американцев. Это вызов, укорененный в американском образе жизни, будь то в сельском фермерском городке, пригородном районе или комплексе государственного жилья.

Это лежит в основе американской мечты, глубоко переплетаясь с другими национальными принципами, такими как свобода передвижения и свобода самовыражения. Способность американцев жить в достойных домах и районах стала настолько важным национальным вопросом, что примеры неблагополучных или успешных сообществ быстро всплывают в общественном дискурсе, отражая состояние нации в целом. Поистине, высотный комплекс государственного жилья стал современным зеркалом для американского самоанализа; и ярый консерватор, и сентиментальный либерал, и полный надежд прогрессист – все в равной мере озабочены существованием этих островков социальной и экономической депривации в стране, переживающей период великого процветания.

История борьбы за создание «сообщества» в «Роберт Тейлор Хоумс» – это часть продолжающейся саги о попытках афроамериканцев укорениться в составе граждан нации. На рубеже веков чернокожие все чаще обращали свои взоры на американский Север, чтобы вкушать плоды свободы. Городское сообщество должно было стать их основным местом поселения, служа убежищем от тягот издольщины на Юге и суля надежду на лучшие дни. История «Роберт Тейлор» представляет еще один рассказ об этом диаспорическом движении – рассказ о лишениях, решимости и мужестве, но также о радости и триумфе. Это история, которая

является парадигматически американской. Это повесть о гражданах, стремящихся воплотить в жизнь американскую мечту о безопасных и процветающих сообществах.

Городское сообщество уже более века является предметом пристального интереса социальных наблюдателей. В начале двадцатого века огромный общественный интерес вызывал нарождающийся американский мегаполис. Город представлял собой смешение разнообразных социальных групп, включая этнических иммигрантов, мигрантов с юга и из Аппалачей, богатых и обездоленных – и все они жили в непосредственной близости друг от друга. Социальные реформаторы обращали внимание на обширные трущобы, трудности иммигрантов и мигрантов, не знакомых с городским образом жизни, и перенаселенное жилье. Промышленники взирали на пул готовых к работе людей, жаждущих трудиться на их скотных дворах, фабриках и заводах. Городские чиновники были заняты координацией движения, обеспечением санитарных услуг, размещением пожарных депо и полицейских участков, а также решением бесчисленных вопросов муниципального управления. Политики и их советники в академических кругах наблюдали за всем этим и помогали заинтересованным сторонам в их соответствующих усилиях по обслуживанию, реформированию, трудоустройству и управлению городскими жителями.

В своем стремлении понять фундаментальные процессы городской интеграции наблюдатели обнаружили, что люди сегрегируют себя различными способами: существовали анклавные поляков, немцев, чернокожих, ирландцев и других этнических групп, где люди разделяли разные языки, обычаи, традиции и объединения. Богатые жили в одних районах, бедные – в других, распространители порока и нелегальной деятельности были изолированы, и так далее. Город описывали как мозаику «маленьких миров», каждый из которых представлял собой отдельное поселение, но все они были взаимосвязаны в более крупном мегаполисе. Согласно этому взгляду, каждое из поселений понималось как физически, социально и культурно целостная сущность, которую позже назовут более простым термином – «сообщество». Сообщество обладало территориальной целостностью, то есть имело identifiable границы и было отделено от соседей естественными или искусственными преградами. Сообщество обладало культурным единством: люди разделяли взгляды, обычаи, языки и, возможно, некоторые физические черты. Сообщество также различалось по типам социальных институтов, которые помогали жителям удовлетворять свои основные потребности, оказывать помощь друг другу и передавать ценности и нормы детям и молодежи. Наблюдатели различали сообщества по их способности поддерживать порядок и интегрировать своих членов в городскую жизнь. Способность контролировать локальные проблемы быстро стала определяющим признаком.

Послевоенные социальные и экономические трансформации dramatically изменили облик metropolitan ландшафта, и соответственно изменился и взгляд на городское сообщество. С одной стороны, формировались совершенно новые сообщества, поскольку субурбанизация привлекла миллионы горожан в отдаленные и неинкорпорированные районы центрального города. Пригородный район с его отдельными домами, ухоженными газонами, новыми школами и очевидным отсутствием загрязнения и перенаселенности, казалось, создавал идеальные условия для американской семьи. К 1960 году многие ранние критические замечания, такие как чувство изоляции или однородность пригородов, уже не были столь заметны. В самом центре города «городское обновление» создало новые пространства для коммерции и поселения, но оценки были неоднозначными. Белые представители среднего и высшего класса переезжали в перестроенные трущобные районы, а их стремящиеся к лучшей жизни чернокожие собратья создавали vibrant новые поселения в местах, abandoned белыми. С другой стороны, оставались обширные территории гетто. В общественном сознании они резко контрастировали с пригородным сообществом, и некоторые наблюдатели предполагали, что гетто отдалается от ритмов основной жизни американского сообщества.

Эти социальные силы перекроили metropolitan ландшафты до такой степени, что уже не казалось, будто люди тесно связаны со своим непосредственным сообществом. Они использовали автомобили, автомагистрали и общественный транспорт, чтобы пересекать и осваивать гораздо более широкую metropolitan область. Наблюдатели говорили о городских сообществах уже не столько как об отдельных «естественных зонах» однородного поселения, сколько как о двуликих регионах, где одни сообщества участвуют в процветании, а другие остаются позади. Крупнейшие мегаполисы страны стали шоколадными городами и ванильными пригородами; они были, с одной стороны, джентрифицированы и обновлены, а с другой – поражены трущобами и упадком. Более того, пригород стал образцом нормативного или «основного» американского сообщества, построенного на культуре прогресса, в то время как гетто стало рассадником «культуры бедности».

Крупный высотный комплекс государственного жилья непрочно стоял на перепутье. Построенные в 1950-х и начале 1960-х годов в самом сердце черного гетто, эти огромные жилые массивы были порождением послевоенной реформации и несли надежды городских жителей, стремившихся оживить свои районы. Однако эти массивные сооружения из стали и бетона, многие из которых были столь же визуально вызывающими, как и раскинувшаяся симметрия пригородных кварталов, были окружены зонами крайней бедности и потому вызывали образы изоляции и беспомощности. В дискурсе об американском городском сообществе эта тревога проявлялась в двусмысленных оценках жизнеспособности государственного жилья. Одни говорили о нем как об острове в море отчаяния и обещании лучшей жизни для преимущественно афроамериканского населения, которое там проживало. С их точки зрения, государственное жилье представляло собой ощутимый прогресс для обитателей гетто, отчаянно нуждавшихся в пригодных для жизни сообществах. Но другие называли государственное жилье колоссальной катастрофой, которой суждено было случиться, и предрекали лишь снижение безопасности и стабильности для семей. Для этих скептиков недавно отремонтированные квартиры и скромное увеличение городских услуг, сопровождавшее появление государственного жилья, никогда не смогут удовлетворить местный спрос; неизбежно преступность и тяготы окружающего гетто захлестнут сообщество, тем самым воспроизводя отчужденную городскую бедноту.

В этих полемиках, повторявшихся на протяжении 1960-х годов, как сторонники, так и критики государственного жилья опирались на широко распространенный взгляд на афроамериканское гетто, который можно назвать «город в городе». Согласно этому взгляду, гетто было отдельным местом, – то есть квазинезависимым «городом», – где жители одновременно были удалены от остального общества, активно избегали этого общества и создавали образ жизни, противоречащий этому обществу. Крупный комплекс государственного жилья был крайним примером этого самоуправляющегося, но в конечном счете дисфункционального городского сообщества, не желающего и неспособного следовать идеалам основного общества. Неудивительно, что два наиболее распространенных средства, предлагавшихся для облегчения бед государственного жилья, оба основывались на представлении о пропасти между бедными гетто и остальной Америкой: либо полный снос жилых комплексов позволил бы интегрировать жильцов в более широкий (основной) город; либо, согласно более либеральному мнению, массовое вливание образования и других государственных ресурсов в высотные комплексы способствовало бы формированию у их обитателей более мейнстримного образа жизни.

Кенсингтон Хайтс, Буффало – проект, с которым связано много мистических событий

Взгляд на гетто как на «город в городе» по-прежнему определяет современные оценки жизнеспособности государственного жилья. Хотя это был полезный риторический прием, привлекающий внимание к маргинальности жильцов, он также может быть ограничивающей эвристикой для понимания их жизни. Безусловно, в «Роберт Тейлор Хоумс» и других чикагских высотных комплексах государственного жилья, где более 90 процентов населения не имеют работы и вынуждены проявлять изрядную изобретательность, чтобы сводить концы с концами, почти наверняка какие-то аспекты повседневной жизни будут несколько уникальны и, возможно, будут расходиться с институтами внешнего мира. Было бы наивно, например, приравнивать тон жизни в государственном жилье к жизни в американском пригороде. Более того, учитывая вопиющую нищету в наших национальных «проектах», уникальный опыт жизни там, возможно, заслуживает большего внимания. Но можно найти и общие черты, одна из самых фундаментальных – это постоянная задача создания пригодного для жизни сообщества путем получения адекватных городских услуг и контроля над поведением местной молодежи. Это задача не только жильцов, но и непрекращающееся усилие, в которое вовлечены люди и организации всего большого города. Такие комплексы, как «Роберт Тейлор Хоумс», какими бы изолированными они ни казались, тем не менее управляются, субсидируются и администрируются множеством социальных акторов, включая правительственные и благотворительные организации – от Чикагского жилищного управления до социальных работников и национальных фондов. Поэтому их не следует рассматривать как совершенно иные или отделенные от остального американского общества. Взгляд на них как на «город в городе» может быть контрпродуктивным, если он не проливает свет на сходства и взаимосвязи между государственным жильем и другими американскими сообществами.

К сожалению, в недавней истории литературы, посвященной сообществам государственного жилья, особенности трудностей жильцов привлекли общенациональное внимание в ущерб пониманию того, как жильцы работают с другими – иногда продуктивно, а иногда конфликтно

– над улучшением своей среды обитания. Результатом стало ограниченное обсуждение жизнеспособности государственного жилья, в котором оценки достоинств и недостатков крупных высотных комплексов основываются преимущественно на показателях преступности и бедности. Такие индикаторы могут раскрыть масштаб местных проблем, но они мало говорят о том, как эти проблемы влияют на сообщество. Что еще важнее, они оставляют открытым вопрос о средствах, с помощью которых эти нестабильности решаются (если решаются вообще). Таким образом, статистические показатели трудностей в государственном жилье не дали адекватной основы для оценки потенциала таких высотных комплексов быть сообществами для городской бедноты страны.

На следующих страницах я укореняю взгляд на американское государственное жилье в непрекращающейся работе жильцов «Роберт Тейлор Хоумс» по созданию сообщества. Насколько я стремлюсь объяснить новизну проблем, с которыми сталкиваются жители, я особенно внимателен к процессам, посредством которых эти проблемы решаются, и к тому, как эта коллективная деятельность по созданию упорядоченной среды менялась с течением времени. Хотя в центре этой борьбы, безусловно, находятся жильцы и местные организации, базирующиеся в «Роберт Тейлор», я также исследую деятельность разнообразного круга лиц, групп и институтов, которые регулярно вступают в контакт с населением. Руководящая предпосылка заключается в том, что для оценки жизнеспособности высотного комплекса государственного жилья необходимо более глубокое понимание ткани «жизни в проекте» и что эту ткань лучше всего сплести из нитей как лишений, так и побед, своеобразия и общности, включения и исключения.

Это предостережение не является полностью новым и не относится исключительно к современному сообществу государственного жилья. Это мысль, которую последовательно и убедительно высказывали наблюдатели афроамериканского опыта. Почти столетие назад У. Э. Б. Дюбуа, чернокожий ученый и активист, много писал об особом и своеобразном положении диаспорического африканского населения в американском обществе. Уникальность опыта чернокожих американцев, предполагал Дюбуа, проистекает не из культурных или психологических черт, а из напряженности, которая живет в афроамериканцах и формирует их действия. Их удел – непрекращающееся стремление, «два враждующих идеала в одном темном теле». «[Негр] просто желает сделать возможным для человека быть одновременно и негром, и американцем», – писал Дюбуа. То есть чернокожие американцы являются американцами в своей приверженности идеалам и целям общества, но они порождают модели мышления и практики, неизбежно сформированные невозможностью следовать этим идеалам так, как это делают их белые братья. Пока не будут достигнуты полная свобода и гражданство, утверждал Дюбуа, их история будет порождать лиминальную идентичность, «двойное сознание», определяемое отчасти победами и неудачами на этом пути, но, возможно, в большей степени «историей этой борьбы». Чтобы увидеть очертания этой борьбы, отмечал Дюбуа, было бы бесполезно оставаться за стенами гетто. Строители этих стен формировали жизнь тех, кто жил внутри, и поэтому их собственная практика никогда не могла быть исключена из картины.

Комментарий Дюбуа, написанный почти столетие назад, является бесценной путеводной картой для понимания опыта чернокожих американцев, живущих в современных сообществах государственного жилья. Его слова мотивируют это исследование, не только направляя внимание на отношения «Роберт Тейлор» с внешним миром, но и ставя под сомнение источники и голоса, которые могут информировать нас об опыте живущих в жилом комплексе. Поскольку афроамериканский опыт был структурирован как исключением, так и сопротивлением, Дюбуа утверждал в своем собственном исследовании гетто Филадельфии, что наблюдатель должен привлечь множество ресурсов, чтобы составить портрет любого отдельного человека, процесса или сообщества. Архивы существуют, но они редко улавливают нюансы существования американской группы, жизнь которой была столь избирательно представлена и столь последова-

тельно исключена из полного, значимого участия в национальной летописи. Действительно, любой формально доступный источник информации никогда не сможет задокументировать историю, определяемую борьбой, сопротивлением, а порой и уклонением от общественного взгляда. Именно человеческий голос должен быть внимательно услышан; именно личная и коллективная память должна быть тщательно возделана, а затем сверена с формальными записями.

Таким образом, чтобы составить систематический портрет приливов и отливов общественной жизни в «Роберт Тейлор Хоумс», я позволяю голосам его жителей прокладывать наш курс (наряду с показаниями тех, кто имел прямое отношение к жилому комплексу, например, полицейских и менеджеров Чикагского жилищного управления). Их воспоминания, памятные истории, рассказы и откровения являются первичными документами, но для полноты картины я широко использую правительственные файлы, журналистские репортажи, данные переписей и другие статистические источники. Собирая воедино все эти доступные записи, – в памяти и на бумаге, – можно раскрыть некоторое богатство повседневной борьбы отдельных людей и семей за то, чтобы сделать «Роберт Тейлор Хоумс» пригодным для жизни сообществом.

Место, которое можно назвать домом

С самого начала комплекс «Роберт Тейлор Хоумс» был чем-то большим, чем просто жилой массив. Для обездоленных слоев нации этот жилой комплекс должен был служить остановкой на пути к владению собственностью, – колыбели американской демократии по Томасу Джефферсону, – а также к осознанию вытекающих из этого прав. Он ознаменовал приверженность федеральных властей, властей штата и местных властей делу удовлетворения потребностей всех граждан, черных и белых, богатых и бедных. Для Чикаго «Роберт Тейлор» означал обещание города ликвидировать свои гетто, а для чернокожего сообщества города этот жилой комплекс обещал немедленное облегчение от перенаселенности, упадка и неудовлетворительных жилищных условий в черном поясе. Для новых жильцов «Роберт Тейлор» дал возможность стать гражданами в другом, возможно, неожиданном смысле: им пришлось бы работать вместе, иногда в организованном политическом качестве, чтобы гарантировать, что «гетто за 70 миллионов долларов» останется пригодным для жизни местом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.